

В.И. Немирович-Данченко

Беломорье и Соловки
Воспоминания и рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.6
ББК 84-4
В11

В11 **В.И. Немирович-Данченко**
Беломорье и Соловки: Воспоминания и рассказы / В.И. Немирович-Данченко –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 352 с.

ISBN 978-5-458-41446-3

Книга содержит впечатления автора о тех местах, которые он посетил, увлекательно показаны его встречи с губернскими жителями, современному читателю увлекательно передается дух и колорит ушедшей эпохи. Данная книга является частью целого цикла трудов о Русском Севере. 4-е издание.

ISBN 978-5-458-41446-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БѢЛОМОРЬЕ.

(ПУТЬ ПО СѢВЕРО-ДВИНСКОМУ КРАЮ).

Шенкурскій уѣздъ.

Ясный, свѣжій денекъ охватилъ меня легкимъ холодомъ, когда я изъ малонаселенной и бѣдной Олонецкой губерніи вѣхалъ въ еще болѣе безлюдную, пустынную и скудную Архангельскую. Утренняя заря еще не отгорѣла на востокъ и густой, алый отсвѣтъ ея мягко ложился на волнистую линію сплошнаго соснового бора. Вершины его словно плавали въ цѣломъ морѣ розоваго сіянія. Дорога круто спускалась внизъ, въ темную долину, гдѣ еще лежала сырая мгла, клубясь и цѣпляясь, все выше и выше, по вѣтвямъ вѣковыхъ деревьевъ, зелень которыхъ кое-гдѣ подымалась изъ тумана, постоянно измѣнявшими свои формы, островками. Двѣ крайнія противоположнотси сѣвернаго пейзажа—ясная чистота совершенно розоваго воздуха вверху и мгlistая, волнующая поверхность его внизу—составляли чрезвычайно эффектную картину. Прибавьте къ этому крупные стволы сосенъ по обѣимъ сторонамъ дороги, безлюдье и тишину, характеризующую здѣшніе лѣса, и вы нѣсколько поймете мои впечатлѣнія. Всѣ промежутки между деревьями поросли мягкими подушка зеленаго мха, изрѣдка перемежающимися небольшими прогалинами уже пожелтѣвшей травы. Чѣмъ ниже спускался я, тѣмъ становилось глуше. На днѣ долинки дорога проходила чрезъ

болото, поросшее острыми и жесткими зелеными. Кое-гдѣ слышмслъ рокоть лѣсныхъ, болотныхъ ручьевъ, быстро сбѣгавшихъ по откосамъ. Ни пѣнія птицъ, ни стрекота кузнечиковъ! Пустыня и глушь давили меня словно желѣзными тисками. Мысль переставала работать, туманъ все гуще и гуще заволакивалъ окружающіе предметы. Глаза невольно смыкались. Въ самомъ низу, тамъ, гдѣ дорога круто сворачиваетъ направо, мнѣ встрѣтилось человѣкъ тридцать странниковъ—богомольцевъ. Бабы шли впереди, за ними тащились большаки и дѣти. Оказалось что эта партія направлялась изъ Соловокъ по домамъ. Многіе изъ мальчиковъ, въ качествѣ добровольныхъ труженниковъ, выжили въ монастырѣ, по обѣту родителей, цѣлый годъ, съ лѣта до лѣта. Они тамъ работаютъ на монастырскихъ заводахъ и мастерскихъ, за что ихъ кормятъ и одѣваютъ на счетъ обители. Такимъ образомъ, на зиму иногда, какъ говорятъ, скопляется въ обители до пятьсотъ даровыхъ рабочихъ. Многіе изъ нихъ, «возлюбивъ пустынное житіе», остаются въ монастырѣ навсегда и съ радостію принимаютъ ангельскій чинъ, лишая свои семейства необхооимыхъ для ихъ благосостоянія рабочихъ рукъ. Благодаря этому порядку, наличный составъ Соловецкаго монастыря не оскудѣваетъ; а сама обитель связывается съ отдаленнѣйшими уголками русскаго сѣвера кровными узами родства.

Богомольцы добродушно взглянули на меня и прошли дальше. Нѣкоторые попросили подающія. Это были по преимуществу олончане. Типъ такъ и сказывался въ каждой чертѣ ихъ лица. Двое или трое пѣли по дорогѣ стихи духовнаго содержанія, вынесенные изъ монастыря; нѣсколько человѣкъ изъ нихъ вѣроятно годовавшіе въ Соловкахъ, носили что-то въ родѣ подрясниковъ и скуфеекъ. Скоро странники скрылись и, съ поворотомъ лѣснаго пути, снова потянулась передо мною безлюдная, пустынная окрестность.

Прежде чѣмъ достигнуть цѣли моей поѣздки, Архангельска, этого коммерческаго и административнаго центра дальняго сѣвера, возбуждающихъ въ литературѣ

столько самыхъ противорѣчивыхъ толковъ, мнѣ пришлось проѣхать часть Шенкурскаго, Онежскаго и Холмогорскаго уѣздовъ. По пути я не велъ дневника, поэтому очеркъ всего этого промнжуточнаго скитальчества будетъ и не полонъ и общъ. Я описываю то немногое, что доступно туристу. Громадныя станціи, иныя по 30 верстъ безъ передышки, рѣдкіе поселки, совершенно особенный типъ и болѣе удобная постройка домовъ, чѣмъ я встрѣчалъ доселѣ, разомъ перенесли меня въ другой міръ. Прежде всего, меня поразилъ складъ здѣшняго крестьянскаго населенія. Передо мной были рослые, крѣпко сложенные, здоровые люди, съ открытыми, умными лицами, высокими лбами, широкою грудью и веселыми, честными, голубыми глазами. Красивыя фізіономіи женщинъ невольно останавливали на себѣ взглядъ. Что это за великолѣпныя груди! Какая здоровая стройность, какія классическія плечи! Жаль только, что дѣвушки, выходя замужъ, быстро тучнѣютъ и тогда уже поражаютъ совершенно противоположными достоинствами. Обиліе мяса и жиру дѣлаетъ ихъ, какъ напр. въ Поморье и Колѣ, чудищами весьма замѣчательнаго свойства. Объемъ ихъ приходится уже мѣрять чуть ли не обхватами. Вблизи городовъ типъ этотъ мельчаетъ и обезображивается какою-то пошлою, къ лакейству подходящей полировкой. Крестьянки являются уже въ нелѣпѣйшихъ кринолинахъ, иногда изъ обручей, городскія платья смѣняютъ сарафаны, а цивилизованная сельская молодежь, и въ ясные безоблачные дни, фигурируетъ въ гарустныхъ шарфахъ, калошахъ, съ дождевыми зонтиками въ рукахъ. Задушевные пѣсни, которыя, въ лѣтніе вечера, такъ сладко звучатъ оъ тихомъ деревенскомъ захолустьи, смѣняется гнуснѣйшею ерундой чувствительнаго характера, отъ которой такъ и несетъ ароматами городского холопства.

Въ мѣстномъ типѣ осязательно сказался результатъ скрещиванія между различными племенами. Первоначальные поселъники этого края—смѣлые новгородскіе промышленники—ушкуйники, одинаково занимавшіеся тор-

говлей и войной, рыболовствомъ и грабежемъ—перебили аборигеновъ этого края, лопарей, корель и прочія племена финновъ, оставивъ только женщинъ и дѣвушекъ, обращавшихся, по обыкновению того времени, въ теремное рабство. Выраженіе лицъ, встрѣчавшихся мнѣ въ первыхъ же селахъ Архангельской губерніи, дышало смѣлостію и энергіей. Человѣкъ, даже и не знакомый съ исторіей Двинскаго края, по одному этому признаку, сразу сообразилъ-бы, что крѣпостнаго права здѣсь не существовало никогда. Встрѣчающіеся вамъ на пути крестьяне не ломаютъ раболѣпно шапокъ, л кланяются путнику, какъ Божьему гостю, съ сановитою важностью. Вступая съ вами въ разговоръ, они не станутъ пересыпать свою рѣчь «благородіями», «высокоблагородіями», а говорятъ просто, сжато и съ достоинствомъ. Назойливости, навязчивости вы не замѣтите вовсе. Тутъ человѣкъ знаетъ себѣ цѣну и привыкъ относиться къ собственной личности съ полнымъ уваженіемъ.

Дома въ селеніяхъ, по крайней мѣрѣ, вдоль по почтовому тракту, выведены въ два этажа и построены благодаря обилію лѣса, на широкую ногу. Верхнія свѣтлицы, во многихъ селахъ, хорошо отштукатурены, а полъ въ нихъ окрашенъ масляной краской. Въ нихъ не рѣдкость встрѣтить и зеркало, и кое какую мебель, и картинки не суздальскаго производства. Это навѣрное—избы, принадлежащія тѣмъ крестьянамъ, которые, вслѣдствіе родной своей безкормилицы, привыкли искать работы въ петербургскихъ биржевыхъ артеляхъ, сплошь состоящихъ изъ архангелогородцевъ. Нижнія свѣтлицы представляютъ обыкновенную картину будничнаго сельскаго обихода. Здѣсь живутъ, умираютъ, плодятся и множатся, оставляя верхи для разнаго рода парадныхъ и праздничныхъ случаевъ. Необыкновенная опрятность здѣшнихъ крестьянъ поразить, прежде всего, туриста, привыкшаго къ крестьянской грязи и неряшеству. Эту чистоту архангелогородцы всюду вносятъ съ собою. Такъ, еще Сперанскій, осматривая Сибирь, замѣтилъ, что «ростъ и опрятность въ жизни барабинскихъ крестьянъ прои-

зошли отъ архангелогородцевъ, первыхъ здѣшнихъ промысленниковъ».

Здѣсь меня поразила еще особенность чисто мѣстная: мужчины въ деревняхъ встрѣчались очень рѣдко. Они или уходятъ на отхожіе промыслы въ самые отдаленные уголки Россіи, или промышляютъ звѣря въ лѣсу, въ морѣ, или ловятъ рыбу по рѣчному и морскимъ побережьямъ. Женщины, оставаясь однѣ, пашутъ землю, косятъ, жнутъ. Онѣ же справляютъ натуральную земскую повинность, напр., ѣздятъ въ качествѣ ямщиковъ, по почтовому тракту, а прежде бывало весьма часто, что бойкая бабенка наряжалась вмѣсто конвоя, для препровожденія трехъ или четырехъ арестантовъ, причемъ случаи побѣговъ были весьма рѣдки.

Въ первомъ же селѣ, гдѣ мнѣ привелось остановиться, я узналъ и оборотную сторону медали. Нельзя было купить ни хлѣба, потому что его мало было и для мѣстнаго потребленія, ни яицъ, ни масла; о говядинѣ и говорить нечего. Принесли было мнѣ соленую треску, которою питается здѣсь народъ, но, вѣроятно, вслѣдствіе непривычки, одинъ запахъ этой милой рыбы чуть не выгналъ меня изъ комнаты. Въ тотъ же вечеръ я имѣлъ возможность видѣть—какъ ѣстъ зажиточная архангельская семья. На столъ поставили крынку съ солеными волнухами (грибы), холодную соленую треску, молоко и хлѣбъ изъ ячменя или жита, который вкусенъ до тѣхъ поръ, пока онъ горячъ. Ячмень въ Архангельской губерніи вообще сѣется предпочтительнѣй перелъ рожью, потому что онъ лучше выноситъ и суровость климата, и перемены погоды, и холодные, сѣверные вѣтры. До чего дорожатъ здѣсь хлѣбомъ, видно изъ того, что въ деревнѣ Сельцы мнѣ едва уступили за 20 к. небольшую ковригу. фунта въ три. Къ обѣду богатые крестьяне къ поименованнымъ уже предметамъ прибавляютъ толокенную кашу, т. е. разваренную въ водѣ овсяную муку съ масломъ, остальные—морошку. Собственно питательностию здѣсь отличается одна треска, которой въ губерніи потребляется до 400,000 пудовъ. Эта рыба (*hadus mor-*

rhua) тотъ же хлѣбъ для сѣвера. Мѣста ея лова, на языкѣ кемскихъ промышленниковъ, такъ и называются—нивами. Вонючая, соленая, она, по обилію азотистыхъ веществъ, оказывается необыкновенно полезной для поддержанія въ организмѣ животной теплоты. Ее ѣдятъ холодной, горячей, нѣкоторые же (это уже антропофаги) пожираютъ сыроу. Треску запекаютъ въ тѣсто, готовятъ съ масломъ, картофелемъ и яйцами. Короче, это продуктъ, безъ котораго не обходится ни одинъ обѣдъ сѣвера, начиная съ крупныхъ купцовъ и важныхъ архангельскихъ чиновниковъ и кончая бѣднѣйшими рабочими. Еще недавно, по цѣнѣ своей, она была доступна для всѣхъ. Фунтъ ея стоилъ 1½ коп. Теперь эта цифра поднялась до 3 коп. и небогатые мѣщане замѣняютъ ее другими рыбами того же трескового свойства: пикшумъ, сайдой, зубаткой, вкусъ которыхъ, для непривыкшаго, одинаково отвратителенъ, а запахъ еще хуже. Вообще архангельская кухня требуетъ нѣкакого навыка и акклиматизироваться здѣсь всѣго труднѣе, именно потому, что усвоить себѣ мѣстную пищу, въ непродолжительное время, нѣтъ никакой возможности. Свѣжей трески здѣсь не бываетъ вовсе, такъ какъ, по крайней нѣжности своей, она можетъ быть перевозима съ мѣста лова на рынки, лишь просоленная или сушеная. Лучшая сушеная треска отправляется въ Петербургъ и на мѣстѣ ея добыванія остается весьма рѣдко. Мяса крестьяне не видятъ круглый годъ, за исключеніемъ ближайшихъ къ Архангельску селъ. Мѣстная скотина или гонится въ Петербургъ и Москву въ продажу, или же, если она мелкоросла, то бьется на солонину, которую отвозятъ туда же. Благодаря трескѣ, губернія не чувствуетъ потребности въ мясѣ. Самые зажиточные изъ крестьянъ бьютъ по праздникамъ барановъ и потребляютъ ихъ миктоскопическими порціями. Гнилой, отвратительный запахъ соленой трески до того притупилъ нервы сѣверянина, что мнѣ удавалось по дорогѣ видѣть людей, соторые съ особеннымъ удовольствіемъ ѣли позеленѣвшую, вонючую говядину, уже разлагавшуюся и кишевшую червями.

Шенкурскій уѣздъ, часть котораго мнѣ пришлось проѣхать, благопріятнѣйшимъ уѣздомъ въ Архангельской губерніи, по отношенію къ хлѣбопашеству, смолокуренію и сельской промышленности. Палочное насажденіе сѣмянъ крестьянскаго благоустройства, по крайней мѣрѣ, принесло ту пользу, что здѣшніе хлѣбопашцы изучили хотя какіе нибудь способы къ развитію своего экономическаго быта. Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя, собранныя нами въ Архангельскѣ. Не смотря на сѣверное положеніе губерніи, находящейся, по выраженію мѣстныхъ остряковъ, «у предѣловъ растительности», хлѣбопашество является наивыгоднѣйшимъ занятіемъ. Это единственное поприще, гдѣ работникъ выведетъ изъ подъ гнета монополіи и кулачества, тяготящихся надъ всѣми остальными промыслами мѣстнаго населенія. Въ каждомъ пустынномъ уголкѣ Двинскаго, Печерскаго и Лопскаго края, непременно гнѣздятся два или три капиталиста, которые, въ теченіи нѣсколькихъ голодныхъ или малоурожайныхъ лѣтъ сдумѣли закабалить себѣ окружающее ихъ населеніе. Это именно тѣ пиявки, которыя неутомимо высасываютъ лучшіе, производительнѣйшіе соки нашихъ захолустій. Благодаря тому, что, въ послѣдніе годы, мѣстная продовольственная система организована на болѣе рacionales основаніяхъ, чѣмъ специально занимались семь лѣтъ, въ селахъ находятся сельскія ссудныя кассы и хлѣбныя магазины,—хлѣбопашество наконецъ вырвалось, изъ той паутины, въ которой напрасно бьются другія производства. Зерно для постѣва крестьянинъ получаетъ, на весьма выгодныхъ для него условіяхъ, изъ этихъ общественныхъ учрежденій, уплачивая за него натурой. Не будь этого—разбогатѣвшіе цѣловальники и кулаки и здѣсь понагрѣли бы свои руки. При высокой цѣнѣ на хлѣбъ, въ Архангельской губерніи, этотъ отдѣлъ мѣстной экономической производительности пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Привозная рожь, въ послѣднее время, *) подымалась до 1 р. 32 коп. за пудъ и не падала ниже 88 коп. въ

*) Писано въ 1873 году.

самоу Архангельскѣ, въ мѣстностяхъ же болѣе отдаленныхъ, пудъ хлѣба случалось обходился по 1 р. 90 к. и по 2 р.; слѣдовательно, крестьянинъ, собравшій съ полей сто пудовъ ржи, при среднемъ урожаѣ самъ 4, приобрѣтаетъ на нихъ, за исключеніемъ употребленныхъ на посѣвъ 25 пудовъ, по самой высшей Архангельской цѣнѣ 96 руб., а по самой низшей 66 рублей. Цифра весьма солидная, если обратить вниманіе на то, что, въ общей сложности, всѣ промыслы даютъ лишь по 12 руб. на каждого жителя губерніи, (включая и хлѣбопашество). Даже бой морскаго звѣря въ Архангельскѣ, за десятилѣтнюю сложность, далъ на каждого промышленника по 9 руб. въ годъ. Правда, бывали годы, когда промысловая партія, въ 12 человѣкъ, добывала до 2,000 р., за то, иногда въ теченіи нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ, они или возвращались домой съ пустыми руками, или не возвращались вовсе, погивая во льдахъ и водахъ сѣвернаго побережья. Среднимъ числомъ здѣсь сѣтся ржи до 16,900 четвертей, ячменя до 82 тысячъ четвертей, овса до 8,000 четвертей; картофеля 11,500 четвертей. Собирается же съ полей, въ средніе урожайные годы: ржи 70,000 четвертей; овса 27,000 четвертей; ячменя 207,000 четвертей; картофеля 44,000 четвертей. Такимъ образомъ, земледѣліе даетъ Архангельской губерніи до 2,500,000 пудовъ хлѣба и картофеля. Считая населеніе ея въ 260,000 чел. и принимая за норму, что для продовольствія ихъ необходимо 4,160,000 пуд. (по 16-ти пудовъ въ годъ на каждого) найдемъ, что мѣстное хлѣбопашество даетъ гораздо менѣе хлѣба, чѣмъ нужно. Если изъ числа 2,500,000 пудовъ исключить одну четверть для посѣва на слѣдующій годъ, то окажется, что губернія, въ дѣйствительности, имѣетъ своего хлѣба на продовольствіе лишь 1,875,000 пудовъ. Дефицитъ какъ видно, весьма крупный, а именно въ 2,285,000 пудовъ. Но онъ становится еще болѣе, если припомнить, что немало хлѣба изъ первой цифры поступаетъ въ сельскіе магазины и хлѣбныя ссудныя кассы, на пополненіе предварительно сдѣланныхъ ссудъ. Привознаго хлѣба извнѣ